

А. И. ПЕРШИЦ

О КОЛЛЕКТИВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА СКОТ У КОЧЕВНИКОВ-СКОТОВОДОВ

В поставленной и в основных своих звеньях решенной Энгельсом проблеме возникновения и развития форм первобытной собственности одним из наименее изученных является вопрос о ранних формах собственности на скот. Между тем он имеет немалое значение не только для конкретизации наших общих представлений об экономическом строе первобытно-общинной формации. Известно, что такие воюющие поборники теории изначальности частной собственности, как патеры Шмидт и Копперс, пытались найти в нем одно из обоснований лженаучного тезиса, согласно которому частная собственность на стада являлась извечным социальным установлением всех народов конституированного ими «патриархально-большесемейного круга», в свою очередь объявленного дериватом патриархальной «пракультуры» наиболее примитивных охотничьих племен¹. Этот же вопрос старался использовать в своей ревизии марксизма Г. Кунов, писавший в «Марксовой теории исторического процесса, общества и государства»: «Я не буду вдаваться в критику отдельных фраз, а только лишь спрошу: где, у каких примитивных природных народов (Naturvölker) находим мы общественную собственность... на важнейшие средства производства того времени — хижины, домашний скот и орудия?»².

Если мы обратимся к этнографическим данным о собственности на домашних животных у племен, знавших лишь начатки скотоводства, то найдем здесь своеобразную картину переплетения коллективной и личной форм собственности. Так, в Меланезии свиньи в одних случаях считались собственностью всего рода³, в других — собственностью отдельных семей, но и в этом последнем случае потребление мяса подчинялось строгим законам коллективного распределения. Человек, заколовший выращенную им свинью, должен был разделить ее мясо между многими лицами, так что самому ему доставалось едва ли не меньше всех⁴. Все это не только свидетельствует об отсутствии каких-либо признаков частной собственности, но и позволяет видеть в индивидуализированных, личных формах первоначальной собственности на домашних животных лишь специфическое проявление коллективной собственности, одну из кон-

¹ См., например, W. Schmidt und W. Koppers, *Gesellschaft und Wirtschaft der Völker*, чч. II—IV, Regensburg, 1924.

² Н. Сунow, *Die Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staats-Theorie*, Berlin, 1923, т. II, стр. 92.

³ C. B. Humphreys, *The Southern New Hebrides*, Cambridge, 1926, стр. 334.

⁴ См.: В. М. Бахта, Производительные силы папуасов залива Астралабия, «Океанический этнографический сборник», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XXXVIII, М., 1957, стр. 246—247.

кретных форм ее существования и воплощения. Напомним, что совершенно аналогично обстояло и с первобытной собственностью на многие, прежде всего ручные, виды орудий труда⁵.

Для меланезийцев, по преимуществу мотыжных земледельцев, разведение домашних животных являлось лишь побочным, сравнительно мало-значительным видом экономической деятельности. Переход отдельных народов к скотоводству как ведущему хозяйственному занятию должен был повести к более четкому оформлению отношений собственности на скот. В связи с этим большую ценность представляют данные о собственности на лам в горных округах древнего Перу, где в силу суровости природных условий и ненадежности урожаев земледельческих продуктов, разведение этих животных получило преобладающее значение. По сообщению одного из испанских авторов середины XVI в., коррегидора округа Куско Поло де Ондегардо, у аймара Колья-суйю («Холодного плоскогорья») имелись «общинные стада» (the flock of the community), которые «доныне используются сообща» (to this day they are all enjoyed in common). Ондегардо четко отличает эти общественные стада и от тех лам, которые находились в собственности отдельных семей, и от тех, которые считались принадлежащими государству и храмам (of Incas and religion). Отмечая, что шерсть общественных лам подлежала разделу в соответствии с численностью отдельных семей и совершенно независимо от величины их собственных стад, он пишет: «...в расчет совсем не принимали, сколько каждое лицо имело в собственном владении, так как считалось, что оно должно пользоваться этим (т. е. настригом шерсти общественных лам. — А. П.), не терпя ущерба в величине своей доли сравнительно с прочими, даже если количество, которым владела семья, было очень велико»⁶.

Здесь незачем возвращаться к старому спору о характере общественной организации инков и завоеванных ими племен. Вне зависимости от того, что представляла собой «коммуна» Поло де Ондегардо и как далеко зашло в ней разложение первобытно-общинных порядков, совершенно очевидно, что перед нами весьма характерный остаток коллективной собственности на скот, причем в данном случае уже у племен, в основном перешедших к отгонному скотоводству и занимавшихся скотоводством как основным видом своей хозяйственной деятельности.

Мы не знаем, был ли знаком Энгельс с сообщением Ондегардо или какими-нибудь аналогичными сведениями. Однако, исходя из своей общей концепции процесса первобытной истории и анализируя материал Шести-книжия, он действительно подчеркивал два принципиально важных обстоятельства: 1) что скот первоначально мог быть только коллективной собственностью и 2) что вместе с тем уже очень рано должна была появиться частная собственность на стада. Отвечая на вопрос, кому принадлежало новое богатство — стада животных, Энгельс писал: «Первоначально несомненно роду. Однако уже рано должна была развиваться частная собственность на стада. Трудно сказать, являлся ли в глазах автора так называемой Первой книги Моисея патриарх Авраам владельцем своих стад в силу собственного права как главы семейной общины или же в силу своего положения фактически наследственного главы рода. Несомненно лишь то, что мы не должны представлять себе его собственником в современном смысле этого слова. И несомненно, далее, что на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада как обособленную собственность главы семейства совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь,

⁵ См. нашу статью «Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории», «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 22—24.

⁶ «Report by Polo de Ondegardo», стр. 159—160. В кн.: «Narrative of the rites and laws of the Incas», London, 1873 (Works issued by the Hakluyt's Society, т. 48).

предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов»⁷. Эти же обстоятельства Энгельс вновь подчеркнул, подытоживая в IX главе своего труда обзор развития форм собственности: «Как и когда перешли стада из общего владения племени или рода в собственность глав отдельных семей, об этом мы до сих пор ничего не знаем. Но в основном переход этот должен был произойти на этой ступени»⁸ (т. е. средней ступени варварства, по периодизации Л.-Г. Моргана.— А. П.).

Действительно, выделение скотоводческих племен являлось не только показателем определенного уровня развития производительных сил первобытности, но и новым мощным фактором их дальнейшего подъема. Полукочевое и кочевое скотоводство способствовало увеличению производительности и индивидуализации человеческого труда, развитию обмена, появлению избыточного продукта, а следовательно, и зарождению частной собственности. В то же время сам скот, в противоположность земле, представлял собой мобильное, легко отчуждаемое имущество: «Кочевые народы, — писал по этому поводу Маркс, — первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме и так как образ их жизни постоянно приводит их к соприкосновению с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов»⁹. Но, с другой стороны, первое крупное общественное разделение труда представляло собой длительный процесс, начавшийся уже в недрах прешествующей стадии развития первобытного общества, в условиях так или иначе сохранявшейся родовой общины. Поэтому Энгельс имел все основания с уверенностью утверждать, что по началу и кочевникам-скотоводам должны были быть известны присущие этой общине коллективные, родовые формы собственности на скот. Как бы интенсивно ни шел в скотоводческих племенах процесс разложения первобытных экономических отношений, на каком-то этапе эти отношения должны были еще существовать, а позднее хотя бы в виде отдельных пережитков сохраниться и в классовом обществе.

В советской этнографической литературе не раз делались попытки обнаружить и интерпретировать такие пережитки. Подытоживая их, Л. П. Потапов сгруппировал ряд свидетельств, считающихся доказательством былого существования у кочевников-скотоводов родовой общины архаического типа. «Несмотря на то, что в источниках нет данных об общей, родовой собственности на скот, — пишет Л. П. Потапов, — некоторые этнографические материалы могут рассматриваться как косвенное свидетельство этого. Таковы родовые обычаи, широко распространенные у различных народностей Средней Азии, Южной Сибири и Монголии, например уплата скотом калыма за невесту сородичами жениха или уплата куна (цены крови) сородичами роду убитого или изувеченного у казахов, обычаи алтайцев, хакасов, тувинцев, казахов и др., согласно которому племянник имел право получать скот в свою собственность по своему требованию у дяди по матери. Реликтом былой родовой общинной собственности на скот являются тамги — знаки таврения скота. Эти тамги, согласно многочисленным преданиям и свидетельствам кочевников — южных алтайцев, киргизов, казахов и т. д., были в прошлом родовыми знаками собственности на скот, что вполне вероятно»¹⁰. Далее, останавливаясь на распределении продуктов скотоводства, Л. П. Потапов отмечает, что «в дореволюционном быту ряда народностей сохранились пережитки общинного родового распределения продуктов (мяса,

⁷ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1954, стр. 54.

⁸ Там же, стр. 166—167; см. там же, стр. 165.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 100.

¹⁰ Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1954, № 6, стр. 76.

кумыса, араки) и обычаи распивания напитков (кумыса, бузы, айрана и пр.). У хакасов и алтайцев былая общность продуктов скотоводческого хозяйства выступала в обряде жертвоприношения овец и лошадей во время родовых общественных молений»¹¹.

Подытоженные здесь свидетельства не только, как это совершенно правильно подчеркивает Л. П. Потапов, носят косвенный характер, но и представляются нам весьма неравноценными по своей доказательности. Помощь родичей скотом при выплате калыма или возмещения за пролитую кровь вряд ли может рассматриваться как реликт родовой собственности на стада — это доказывает лишь факт родовой взаимопомощи, при которой сородичи естественным образом давали то, чем они сами располагали. Кроме того, следует учесть, что скот являлся платёжным средством, всеобщим эквивалентом, одной из наиболее ранних форм денег¹², долгое время выступавшей в этом своем качестве не только в среде кочевых скотоводов, но и у ряда оседлых народов (ср. древнеримское «rescūpīa», древнерусское «скот» и т. п.). Не бесспорна как доказательство былого существования родовой собственности на скот и ссылка на право племянника требовать и получать скот у своего матрилинейного дяди. Перед нами — яркий пережиток авункулата, в данном случае его экономических порядков и норм, согласно которым племянник, переходя на жительство к дяде по матери, наследовал его имущество. Иначе говоря, отмеченный обычай отражает экономическую общность не рода, а уже отдельной семьи, на известном переходном этапе состоявшей не из отца и его сыновей, а из матрилинейного дяди и его племянников. В более широком плане этот обычай является свидетельством былого существования материнского рода и матрилинейного порядка наследования, но опять-таки не дает бесспорного доказательства коллективной, родовой формы собственности на скот. Наконец, в полной мере таким доказательством не является и наличие родовых (у некоторых народов также и племенных) знаков таврения скота, так как употребление этих знаков могло быть связано не с коллективной собственностью, а только лишь с коллективной защитой принадлежавшего отдельным семьям скота, опознанием животных, приблудившихся к другим племенам и т. п.

Иное дело — приводимые Л. П. Потаповым чрезвычайно важные данные о пережитках коллективного потребления продуктов скотоводства. Эти данные с очевидностью свидетельствуют об экономической общности рода в сфере распределения. Между тем известно, что характер распределения и потребления продуктов труда всегда определенным образом связан с характером производства, производственных отношений и лежащих в их основе отношений собственности¹³. Общество, в котором наличие частной собственности на средства производства сочеталось бы с коллективным потреблением продуктов труда, было бы совершенной бессмыслицей. Все же и эта группа фактов не дает вполне определенных указаний на характер первоначальных форм собственности на скот у кочевых племен: выше мы видели, что коллективное потребление продуктов труда могло сочетаться с известными формами не частной, но индивидуализированной, личной собственности на средства производства.

Ввиду всего сказанного нам представляются весьма ценными некоторые материалы этнографии бедуинов северной и центральной Аравии, содержащие прямые свидетельства о наличии в отдельных кочевых племенах общественных стад верблюдов. Такие свидетельства мы находим у двух авторов — видного чешского ученого Алоиза Мусила, в первой

¹¹ Л. П. Потапов, Указ. раб., стр. 76—77.

¹² См.: К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 38.

¹³ Л. П. Потапов, Указ. раб., стр. 206 сл.

четверти нашего века проводившего детальное географическое исследование северной Аравии и прилежащих к ней с севера арабских стран, и Х. Р. П. Диксона, в прошлом чиновника английской администрации в Кувейте, неоднократно посещавшего внутреннюю Аравию и хорошо знакомого с бытом ее племен.

По словам Мусила, у руала (крупнейшее кочевое, в прошлом почти исключительно верблюдоводческое, племя Сирийской пустыни, откочевавшее сюда из внутренней Аравии в конце XVIII — начале XIX в.), каждый род (clan) обычно имел «общественное стадо» белых верблюдов. Их пасли и охраняли отборные молодые воины, а во время опасности — войн и набегов — общественных верблюдов старались спрятать в самом безопасном месте. Каждого белого верблюда, захваченного бедуинами руала во время набега на соседнее племя, присоединяли к общественному стаду. Общественные стада были гордостью отдельных родов и всего племени; особенно ими гордились в тех случаях, когда за последние пятьдесят лет ни одному врагу ни разу не удавалось отбить такое стадо¹⁴.

Подобное же стадо общественных верблюдов имелось, по сообщению Диксона, у племени мутайр (одно из крупнейших племен внутренней Аравии, в прошлом также занимавшееся почти исключительно кочевым верблюдоводством). Племя владело этими верблюдами с незапамятных времен и называло их «аш-шуруф», т. е. «благородными». В стаде было около трехсот темных, почти черных чистопородных верблюдов¹⁵, которых особо выделенные сторожа пасли вдалеке от других, частновладельческих стад и тщательно их охраняли. «Аш-шуруф» считались чем-то вроде «священной эмблемы», за которой «в дни войны и мира шло все племя». В самых тяжелых и опасных битвах лучшие воины племени гнали «аш-шуруф» в авангарде племенного отолчения, чтобы либо защитить их, либо умереть, так как считалось, что эти верблюды должны быть спасены любой ценой. В то же время, замечает Диксон, три сотни верблюдов создавали солидный заслон, прикрывавший сражающихся от вражеских пуль и дротиков. Мутайр владели этим стадом до 1930 г., когда в наказание за восстание 1929—1930 гг. «аш-шуруф» были отобраны у них Абдульазизом ибн Саудом и, сменив племенную тамгу мутайр на индивидуальную тамгу саудидов, перешли в собственность королевского дома¹⁶.

Имеется еще одно любопытное сообщение, которое нельзя не сопоставить с двумя предыдущими. Французский этнограф Р. Монтань, работавший в 1920—1930-х годах среди шаммарских кочевых племен юго-восточной Сирии и Ирака, отметил, что у них одним из символов шейхского достоинства являлось принадлежавшее шейху стадо белых верблюдов, которых совершенно не использовали в хозяйственных целях¹⁷. Заметим, что шаммары, как и руала, являются сравнительно недавними выходцами из внутренней Аравии; их переселение началось в конце XVII — начале XVIII в. и продолжалось на протяжении XIX и XX вв.

Таким образом, в своей совокупности приведенные материалы показывают не только пережиточное бытование коллективной собственности на скот у некоторых кочевых племен Аравии, но и определенную транс-

¹⁴ A. Musil, *The manners and customs of the Rwala Bedouins*. New York, 1928, стр. 335—336.

¹⁵ Многие племена внутренней Аравии, в том числе и мутайр, разводили свои собственные породы верблюдов, отличавшиеся определенными статьями и мастью. У мутайр не только «аш-шуруф», но и другие частновладельческие верблюды принадлежали к темнопигментированной разновидности, хотя, вероятно, и были не столь чистопородными. Напротив, у руала, в основном разводивших светло-бурую северную породу, белые общественные верблюды резко выделялись среди остальных животных.

¹⁶ H. R. P. Dickson, *The Arab of the desert*, London, 1951, стр. 584—585.

¹⁷ R. Montagne, *La civilisation du désert, Nomades d'Orient et d'Afrique*, Paris, 1947, стр. 27.

формацию этих пережитков в сравнительно позднее время. Сохранившиеся у руала и мутайр общественные стада верблюдов являлись реликтом, который у других бедуинских племен либо исчез совсем, либо подобно ряду других остатков родового строя был использован наследственными предводителями племен и родов — шейхами.

Сообщение Монтаня интересно еще и тем, что оно прямо говорит об отсутствии какого-либо практического применения «белых верблюдов шейха». По-видимому, не является случайностью и то обстоятельство, что как Мусил, так и Диксон ни слова не говорят о хозяйственном использовании общественных стад в племенах руала и мутайр. Вообще, как мы видели, в обоих случаях на первый план выступают символические, как бы идеологические функции общественных стад, знаменовавших собой могущество, непобедимость и независимость всей родоплеменной группы. Несомненно, что именно этими консервативными надстроечными функциями и объясняется столь редкий, поистине исключительный факт пережиточного сохранения коллективной собственности на скот в позднем патриархально-феодальном обществе кочевых скотоводов. Общественные стада местами удерживались во внутренней Аравии, так же как еще в недавнем прошлом удерживались здесь местами «ас-салах» — мучительная инициация юношей при возведении их в мужское достоинство, женское обрезание, инфибуляция и ряд других, казалось бы, совершенно неожиданных в данных условиях архаических обычаев.

Приходится пожалеть о скудости сообщений Мусила и Диксона, содержащих пока единственное известное нам прямое указание на былое существование коллективных стад у кочевников-скотоводов. Следует продолжить поиски этнографических данных по этой теме, обратившись не только к арабскому, но и к африканскому, среднеазиатскому, кавказскому и другому материалу. Очевидно, однако, что даже и те сообщения, которые уже имеются в нашем распоряжении, являются блестящим подтверждением правоты Энгельса в одном из частных, но немаловажных пунктов его общей концепции развития первобытной собственности.

SUMMARY

While the problem of the development of the forms of primitive ownership was advanced by Engels and in large degree solved by him, one of its aspects — that of the early forms of ownership of cattle — remained insufficiently studied. Proceeding from his general conception of the processes of prehistory, Engels noted that cattle was at first the collective property of the clan. However, in Engels' time this thesis could not be sufficiently substantiated by ethnographic data. It was subsequently revised in the works of H. Kunov; W. Schmidt elaborated a thesis antithetic to that of Engels, of the primordial nature of private ownership of cattle. As a matter of fact, collective ownership of domestic animals is to be found not exclusively among the backward tribes which knew only the rudiments of cattle breeding (e. g. the Melanesians) but also among peoples for whom cattle breeding had become the main occupation (cf. the material presented by P. de Ondegardo on the Aymará of the Peruvian highlands) and even among the true nomad cattle breeders. With regard to the latter, this fact until recently could be established only on the basis of indirect and not always indisputable evidence, e. g. by the persistence among these peoples of such survivals of former forms of life as the clan brand, mutual aid rendered in the form of cattle, etc. However, ethnographic data on the Arab nomads give direct evidence of the existence as late as in the 20th century of communal camel herds among certain Bedouin tribes, which had survived because of the conservative functions they had acquired over the centuries, of a symbol denoting the invincibility of a tribal group. Thus, ethnographic data accumulated in recent decades have revealed the untenability of the theses of Kunov and Schmidt, bringing out with striking clarity the correctness of Engels' views with regard to the earliest forms of cattle ownership.